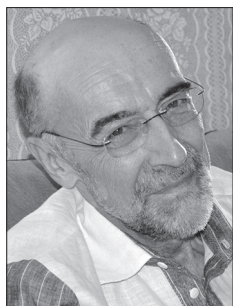

✦ Профессиональное кредо

UDC 101.9

DOI: 10.30936/1606-951X-2019-21-1/2-210-229

Б.В. МАРКОВ, Ю.М. РЕЗНИК

ФИЛОСОФ И ЕГО МИР. С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ И ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ

***Аннотация:** Публикуемый текст отражает содержание дискуссии, которая состоялась 29 января 2019 г. в Институте философии РАН. Главный вопрос обсуждения – что такое философия и как возможно философствование в условиях современности. Ю.М. Резник, опираясь на фундаментальную онтологию М. Хайдеггера, настаивает на реализации проекта экологической философии и необходимости ответить на «последние» (предельные) вопросы человеческого существования. Причём пределами он считает те ограничения, которые не допускают нарушение экологического баланса и связаны с категорией допустимого. Б.В. Марков полагает, что наш повседневный жизненный мир уже не вписывается*

в универсальные проекты классической рациональности, а предполагает подсоединение различных техник и практик философствования.

В результате дискуссии участники пришли к выводу о том, что постмодернизм поспешно объявил о «смерти философии». Фундаментальные проблемы являются «вечными», они имеют свойство возвращаться потому, что укоренены в самой сути человечности и её неразрывной связи с природой. Вместе с тем, в каждую эпоху они ставятся и решаются по-новому. Многие явления современности уже не попадают в систему категорий классической философии. В частности, новые медиатехнологии бросают вызов прежним методам рефлексии, критике идеологии, герменевтики, диалектики и предполагают разработку техник философствования, пригодных для анализа аудиовизуальных медиумов коммуникации.

***Abstract:** The text reflected the discussion that took place on January 29, 2019 at the Institute of philosophy of RAS. The main question of discussion was what was Philosophy and how it was possible*

Марков Борис Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философской антропологии Института философии СПбГУ (Санкт-Петербург). E-mail: b.markov@spbu.ru;

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

to philosophize in the modern world. Yu.M. Reznik on the base of fundamental ontology of M. Heidegger insisted on the implementation of the project of ecological philosophy and the need to answer the ultimate (limit) questions of human existence. And he considered the limits as those restrictions that did not allow a violation of the ecological balance and were associated with the category of permissible. B.V. Markov believed that our everyday life world no longer fitted into the universal projects of classical rationality but involved the connection of various techniques and practices of philosophizing.

As a result of the discussion, the participants came to the conclusion that postmodernism hastily announced the «death of philosophy». Fundamental problems are «eternal», they tend to return because they are rooted in the very essence of humanity and its inextricable connection with nature. At the same time in each era they are put and solved in a novel way. Many phenomena of modernity no longer fall into the system of categories of classical philosophy. In particular, new media technologies challenge the old methods of reflection, critique of ideology, hermeneutics, dialectics and suggest the development of techniques of philosophizing suitable for the analysis of audiovisual mediums of communication.

Ключевые слова: онтология, антропология, идеология, трансценденция, коммуникация, экзистенция, повседневность.

Keywords: Ontology, anthropology, ideology, transcendence, communication, existence, everyday life.

Резник Юрий Михайлович: Борис Васильевич! Вопрос традиционный. Расскажите, пожалуйста, немного о себе. Что привело Вас в философию?

Марков Борис Васильевич: В молодости под влиянием научного руководителя М.С. Козловой я занимался венским неопозитивизмом, аналитической философией Витгенштейна, постпозитивизмом, историей науки. Каким-то образом это сочеталось с занятиями диалектикой и феноменологией. В 1970-е гг. я формировался в условиях социокультурного поворота в советской философии науки. Тогда центром философии был даже не Институт философии, а ИИЕТ АН СССР.

Эволюцию в сторону антропологии я объясняю верой своего поколения в возможность построить государство с «человеческим лицом». Так появилась книжка «Разум и сердце», где на русскую почву, на которой произрастала «правда-справедливость» я попытался посадить одновременно теорию коммуникативного действия Хабермаса и постмодернистские идеи Фуко, Бодрийяра, Делеза и Дерриды. Впрочем, из-за моего прежнего увлечения аналитической философией, получилось нечто странное. У любителей голоса сердца, веры и морали по мере чтения вытягивались физиономии, а у адептов постмодернизма лица приобретали кислое выражение.

Впрочем, ярлык либерала-постмодерниста на мне так и остался. Даже когда в книге о Ницше, а потом в «Знаках и людях», я попытался работать на правой половине дискурса, нашелся критик, упрекнувший меня в консерватизме. По его мнению, это было предательство прежних либеральных идеалов. В ходе разбирательства и взаимных упреков мы написали совместную книжку «Критика тоталитарного опыта». Это помогло мне избавиться от «старческого» консерватизма, и я до сих пор стараюсь сохранить баланс старого и нового. Конечно, новое мне не нравится, и я остаюсь пленником империи. Это выражено в моих последних работах «Человек в условиях современности» и «Политическая антропология».

Я не создал никакой философской системы и немного комплексую, не знаю, философ ли я вообще. Я испытываю чувство вины от того, что хочется сказать что-то

утвердительное, позитивное, а занимаюсь в основном критикой. Наверное, это не моя вина, я не склонен к мизантропии или ресентименту. К счастью, место (должность) заставляет нас говорить так, как мы, может быть, и не хотели. Я заведовал кафедрой онтологии и теории познания (собственно я и ввел это словосочетание как название бывшей кафедры диалектического материализма) с 1990 г. и руководил кафедрой философской антропологии (с 1994 г.). Тем не менее, я осознавал щекотливость своего и моих сотрудников положения.

Как известно, онтология была похоронена еще Кантом, оставались Хайдеггер или Делёз, а о смерти человека авторитетно заявил Фуко. Так что кафедры были, а вот предмета исследования не было. Но меня это не сильно смущало. У физиков пропадала материя, у математиков тоже были проблемы с обоснованием даже правил арифметики. То же происходило и в теологии: если бы Иисус явился на Землю, то у церкви возникли бы серьезные проблемы. Гуссерль смело заключил вопрос о реальности в скобки, чтобы она не мешала философствовать. Но тогда возникает вопрос, что такое философия, если у нее нет предмета, на который можно показать пальцем и изучение которого контролирует наши высказывания о нем? Конечно, можно сказать, что философ видит то, чего не видят другие. Но все-таки философия — это не секуляризированная теология, она возникла раньше её.

Как и многие, я прочитал трудов европейских философов больше, чем отечественных. И тем не менее, числюсь в составе авторов, внесших оригинальный вклад в российскую философию. Я смотрю на свою работу как на описание и объяснение той реальности, в которой живу, пытаюсь осмыслить современность.

Ю.М.: Борис Васильевич! Боюсь показаться старомодным и еще большим консерватором, чем Вы. Но к чему эти страхи и комплексы? Чего Вы опасаетесь? Какое Вам дело до тех, кто считает Вас консерватором или не совсем либеральным мыслителем? Делайте то, что считаете нужным и не пытайтесь оправдываться в содеянном. Хотите — оставайтесь «птицей империи» и продолжайте петь об имперском величии своего народа и его праве на самовыражение, в т.ч. средствами философствования. Я не совсем понял, в чем заключалась щекотливость Вашего положения в качестве заведующего кафедрой онтологии и теории познания. И почему Вы должны чему-то или кому-то соответствовать? Продолжайте осмыслять реальность так, как это Вы считаете правильным для себя.

Борис Васильевич! Начну с вопроса о самом главном в нашем сегодняшнем разговоре — о сути философствования. Изложу вначале свою точку зрения, чтобы мы могли соотнести друг с другом и приблизиться к полноценному диалогу.

Во-первых, философствование есть, прежде всего, «предельное вопрошание» и «последнее выговаривание» о сути бытия, о чем, как известно, писал М. Хайдеггер. Современные исследователи по-своему интерпретируют такое понимание философствования, связывая его непосредственно с философским даймоном («пространством вопрошания»). «Это — сфера логоса, где он высвечивает всё сущее как единое (en), как цэуйт» (см. прим. 1).

Во-вторых, я считаю, что в ходе философствования его участники задают новый формат бытия (от лат. forma — форма), в т.ч. своего собственного. Другими словами, они занимаются форматированием и переформатированием собственных картин (и моделей) мира или бытия в целом. Причем, такое форматирование, которое Г. Гегель связывал в своё время с процессом «скрепления образов» мира (бытия) посредством воображения [1, 223], я и называю онтопроектированием.

В этом смысле каждый человек способен, в принципе, создать собственный онтопроект (целостный образ мира, предназначенный для «лично­го пользования» или ожидаемый другими «до востребования»), что и делает его философствующим субъектом. Но для этого ему, возможно, потребуется помощь философов. И еще одно. Онтопроектирование может иметь своим результатом лишь измененное состояние собственного бытия человека. Оно ни в коем случае не должно посягать на жизненное пространство другого человека.

Наконец, в-третьих, философствование предполагает, с моей точки зрения, личностное (мотивированное и ответственное) обращение человека к миру как целому, содержащему в себе смыслы надличностного существования, а также — свободный поиск целостного образа своего бытия-в-мире, т.е. рефлексивное освоение и вместе с тем конструирование своего места в нём. Именно в этом смысле, как я полагаю, не претендуя на истину, М. Хайдеггер и называет философа «местоблюстителем бытия».

Теперь, когда я представил вкратце свою позицию, можно обратиться с вопросом и к Вам. Так что же такое философствование и чем оно отличается, на Ваш взгляд, от других форм философского познания?

Б.В.: Это очень серьезные вопросы и я верю, что именно они лежат в основе честного философствования. Они поставлены в русле трансценденталистской, универсалистской традиции. Вопрос заключается в том, существует ли одна универсальная философия, на поле которой трудятся разумные существа или все-таки имеется несколько направлений, выражающих установки того или иного культурного типа (европейского, российского, китайского, арабо-мусульманского, еврейского и др.). Если раньше среди философов преобладали космополитические настроения, то сегодня, наоборот, все озабочены поиском корней, причем не обязательно в консервативном варианте «крови и почвы».

Уже христианство не признавало приоритета ни эллина, ни иудея. Все люди равны перед Богом. И, конечно, Бадью прав, назвав ап. Павла родоначальником универсализма. Но можно пойти глубже и вслед за Ницше назвать таковым Сократа и Платона. Конечно, универсализм логоса, космоса и полиса был исключительно греческим. Точно также на универсализм претендовало не только христианство, которое к тому же пережило схизму, но и Ислам.

Философы Нового времени решили проблему единства на почве разума. Однако, будь то эмпиризм или рационализм, различие «чистых» и «нечистых» сохранилось. Только теперь мы понимаем, что главные страницы эпопеи классической философии, включая ее возрождение и кризис, связаны с различиями. Гегелевская диалектика была попыткой их примирения и снятия. Однако она была обвинена в аффирмативности. Франкфуртцы предложили жить в состоянии конфликта противоположностей, что было использовано леворадикальной интеллигенцией как призыв к революционной борьбе.

Либеральный проект предполагал отказ от абсолютной истины, но при этом не то чтобы «затыкал» всем рот, но полемизировал с представителями других направлений. Либерализм зародился в Вене. Это как-то связано с культурой Австро-Венгрии и, возможно, было причиной её распада. Возможно, именно Австрия, а не Германия, была поводом для разговоров о «закате Европы». Во всяком случае, чтение «Человека без свойств» Музиля наводит на такое предположение. Впрочем, героя нашего времени подобным образом представили и наш Ф. Соллогуб в «Мелком бесе» и дру-

гие европейские писатели. Суть дела, как метко заметил Шестов, в «беспочвенности». Философии, как и механике, нужна точка опоры. А ее не было. Кант устранил «реальность саму по себе». Но потом настал черед и априорных высказываний. Витгенштейн и Райл сравнивали занятия философией с ремонтом корабля в открытом море, где отсутствует сухой док, и не на что опереться. Либеральный ироник Рорти сделал отсюда радикальный вывод: поскольку в ответ на наши вопросы природа не говорит нам «да» или «нет», постольку ни одна картина мира не является привилегированной.

Мне кажется, невозможно определиться в том, делать ли ставку на разум или на бытие. Если постмодернизм признавал множество онтологий, что, по сути, является отрицанием онтологического проекта, то сегодня вопрос о единстве в связи с издержками плюрализма вновь становится актуальным. Для этого и нужно размышлять о том, кто мы и что можем дать миру. И космополитизм, и опора на национальную идею, которая является продуктом исторического опыта народа, — это уже отработанные проекты. Гражданин мира — это европеец, а народ, в том смысле, как его понимала русская интеллигенция, уже не проявляет себя на поле истории, разве что в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Но в условиях, когда никто не знает, что делать, как указал К. Шмитт, неизбежно выдвигается фигура вождя.

Кризис метафизики и онтологии как систем абсолютного знания выражается в том, что в наше время попытка нарисовать универсальную картину мира расценивается в лучшем случае как утопия. Уже неокантианцы и неогегельянцы занимались не достройкой незавершенных систем Канта и Гегеля, а рефлексией их оснований и предпосылок, сравнением возможностей и границ применения. Во всяком случае, XX столетие в философии характеризуется различными поворотами. Теория познания и методология науки, феноменология, герменевтика, структурализм, философия культуры, аналитическая философия языка и сознания, философская антропология и т.д. — все это разновидности методологии критической философии, сосредоточенной на анализе концептуального аппарата предшествующих философских систем.

Ответ на вопрос о том, является ли философия XX в. творческой или только критико-аналитической, важен для самоопределения современных философов: должны они продолжать анализ предпосылок философствования или обязаны предложить нечто позитивное в форме завершенной системы? Я думаю, что отрицать плюрализм в философии уже невозможно. Мы должны смириться с многообразием стилей философствования и осознать аналитику как творческую работу. Но при этом, конечно, нельзя забывать о синтезе, который может проявляться в подсоединении различных философских программ с целью разработки эффективных техник анализа и решения наших жизненно важных проблем.

Важнейшим свойством человеческого восприятия мира является его *целостность*. Она была присуща античному полису и христианскому миру. Критерием целостности является защищенность. Космос греков представлялся по аналогии с полисом, как прекрасное, совершенное, пребывающее в неизменном покое целое. Христианский мир пребывал под покровительством Бога, без воли которого ничего не происходило. Открытие Коперника поколебало веру в божественного протектора и заставило искать основания единства в бытии и разуме. Поэтому любой ответ на вопрос о человеке связан с тем или иным решением проблемы целостности.

В философии принято мыслить целое как единство. Следует различать логическое единство и единство онтологическое. Искомые взаимосвязь и единство могут иметь место в рассуждениях, но их может и не быть в реальности. В нашей картине мирового порядка нет единства, но есть целостность, в рамках которой существуют неразрешимые противоречия, неподдающиеся ни рациональному, ни диалектическому синтезу. Это несовместимо с теодицеей и антроподицеей классицизма. В мире полно абсурда и нет единства.

Нельзя смешивать логическую рациональность и онтологическое единство. Обосновывать свои рассуждения — не значит находить основания для самой реальности. В ней есть разумное и неразумное, и не всегда добро побеждает зло. Отрицая единство в сфере реальности, оставим его разуму. Единство реальности как целого — это продукт работы разума. Но разум — это локальное явление. В мире есть много бессмысленного и даже абсурдного. Попытка отыскать рациональные основания для всего этого и доказать единство мира есть не что иное, как возвращение теологии.

Система абсолютных взаимосвязанных рассуждений могла бы существовать в уме всевидящего бога-интеллектуала, но она не имела бы живых корней в реальной сфере существования. Поэтому различные описания могут лишь терпеливо сосуществовать с теми различными способами, какими вещи себя показывают, и вбирать в себя многообразное богатство видимости.

Наконец, третья важная проблема — это как раз вопрос о технике философствования. Сегодня уже не книги и лекции, не истина и мораль, а медиа формируют как ментальность, так и телесность людей. На место философов, художников и критиков приходят менеджеры в сфере искусства и культуры. Претензии философии на подлинность становятся смешными перед лицом циничных требований экономики и эксцессов массового вкуса. Поскольку техники философствования сложились в рамках книжной культуры, смена медиумов коммуникации ставит философов перед новой проблемой. В условиях «визуального поворота» нам необходимо разрабатывать техники анализа и концептуализации новых медиа.

В связи с этим также необходимо обратить внимание на трансформацию отчуждения. В условиях коммуникативного унижения дискурсы критической теории оказываются снова актуальными. Люди чувствуют, что их оглуляют масс-медиа и протестуют против медийных технологий. Это и есть то новое, что зреет в наши дни. Протест против финансового капитала и монетаристской политики, уважение к труду, честность, справедливость, ответственность постепенно осознаются как главные достоинства общества. В этом направлении следует протестовать против программ и действий, которые ведут к обнищанию и оглулению народов. Пафос нужен в борьбе не против богатства, а против бедности. Прежние формы протеста заменились разного рода перформансами. Изменение общества происходит в форме «бархатных революций». Имея в виду их разрушительные последствия, философам следует поддерживать новые движения молодёжи за здоровый образ жизни, крепкую традиционную семью, за сохранение природной среды и безотходное производство.

Ю.М.: Борис Васильевич! Спасибо за откровенный ответ. «Честное» философствование, если такое вообще существует, исключает любые попытки навешивать ярлыки на своего собеседника. Не успел я развернуть свою позицию, как Вы меня тут же обвинили в склонности к универсализму и в прочих грехах.

Да, мы с Вами говорим на разных языках и понимаем многое по-разному. В этом и состоит плюрализм в философии. Вы считаете, что не надо делать выбор между проблематикой разума и бытия. И что «единство реальности как целого — это продукт работы разума». Пусть будет так. Но я с таким же успехом могу считать, что философствование необходимо начинать с вопросов о бытии и что разум бессилён перед величием последнего, в т.ч. числе по причине неразумности и абсурдности происходящего.

Но имеются и те темы, в постановке которых я готов присоединиться к Вам, в т.ч. к борьбе против наступления медийных технологий и оглушения людей. Но я не согласен, в частности, с тем, что бороться нужно с бедностью, а не с богатством. Богатство, которое нажито нечестным путем, не обладает легитимностью. При этом я не предлагаю его незамедлительно отнять и поделить. Но следует начать процесс расследования фактов неправомерного присвоения собственности и других случаев криминализации бизнеса или власти независимо от сроков давности преступных деяний. А для этого нужно реформировать систему права, сделать её открытой и прозрачной. Но это тема отдельного и далеко не сегодняшнего разговора.

И я также опасаясь, что в стремлении перенести акцент на техники философствования можно выплеснуть с водой и ребенка, т.е. само философствование независимо от того, считаете ли Вы его честным или не очень. Кстати, критическая философия, судя по Вашим словам, снова оказалась в моде. Может быть это происходит от того, что философы за неимением собственных идей повально перешли на критику, в т.ч. критический анализ техник философствования. Но тогда не будем забывать и о критической теории Франкфуртской школы, в центре которой оказались проблемы отчуждения и самоотчуждения человека.

Но перейду к своим первоначальным вопросам. Философствование тесно связано с созерцательной деятельностью, которая, по мнению некоторых философов прошлого, имеет своим истоком удивление. Так, М. Хайдеггер, подчёркивая мысль Аристотеля, писал: «Именно благодаря удивлению люди достигают теперь, как и впервые, господствующего истока философствования» [6, 155]. Удивление, на его взгляд, способствовало тому, чтобы античные мыслители начали философствовать.

А с чего начинается процесс философствования, на Ваш взгляд? Достаточно ли удивления, чтобы «запустить» этот процесс? Ведь умение удивляться и любознательность предшествуют акту любого познания. Какое всё-таки удивление вызывает у человека философия, которая в традиционном восприятии людей призвана ставить и решать «вечные вопросы», не способные уже никого удивить? И можно ли его (удивление) считать «первотолчком» философствования?

Б.В.: Г. Райл в статье «Как я вижу философию?» очень хорошо реконструировал философское удивление. Да и не только он один. Практически каждый философ знает, что занимается чем-то необычным и вынужден это оправдывать. Помимо борьбы с обыденными предрассудками и стереотипами, я бы отметил проникновение философской критики в своеобразные зоны умолчания, в сферы анонимного опыта. Отчасти это затронуто в критике идеологии, разоблачающей обман и злоупотребления власти. Но помимо идеологем и мифологем, симулякров и тому подобных выдуманных или извращённых форм сознания существуют прямые зоны умолчания, о которых знают, но не говорят.

Теперь об удивлении. Мне кажется, это — интеллигибельный акт. Для *bios theoretikos* его может и достаточно, но вообще-то человек не сводится к субъекту по-

знания. Необходимо учитывать и другие способности. Сегодня много говорят о боли, страдании. Только трудная, тяжелая жизнь вынуждает философствовать, да и то не совсем толстокожих людей. И это будет трагическая философия, философия нищеты. Человек способен не только страдать, но и радоваться, так что эти настроения тоже значимы для философии. Ницше провоцировал: попробуйте философствовать, когда болит голова. И он же призывал к радостной науке. Заратустра — это дифирамбы человечеству, пятое евангелие.

Ю.М.: *Да, действительно, философия может быть «грустной» или «веселой» наукой. Но в любом случае философствование начинается с удивления или восторга перед бездной бытия. И заставить себя философствовать нельзя. И это — состояние, которому невозможно подражать.*

Как известно, по И. Канту, нельзя научить человека философии, но можно его подготовить к философствованию. «... Можно обучать только философствованию, то есть упражнять талант разума на нескольких имеющихся примерах в следовании общим принципам его, однако всегда сохраняя право разума исследовать самые источники этих принципов и подтвердить эти принципы или опровергнуть их» [2, 502].

Так можно ли, на Ваш взгляд, научиться философствованию? И что для этого необходимо сделать — получить философское образование, привить себе навыки философского мышления, что еще? Это особенно важно знать для тех, кто только вступает в философию и делает первые шаги в практике философствования.

Б.В.: Решение вопроса о том, насколько философскими являются мои книги, оставляю критикам. Что касается обучению философии, тут я должен быть мастером. Правда, премии за педагогическое мастерство у меня нет. В молодости студенты даже называли меня Сократом, может, потому что я был маленького роста и рано облысел. Раньше отношения преподавателей и студентов были более близкими. После лекции или семинара полгруппы шло со мной в кофейню, и мы еще долго обсуждали поднятые в аудитории вопросы. Философия — искусство, которое передается из рук в руки. Вопреки критике фоноцентризма, я много получил от выступлений Ильенкова, Батищева, Мамардашвили, Межуева и других. Ощущение близости оратора к истине давало мощный эмоциональный заряд.

В «Заботе о себе» Фуко и Адо ярко охарактеризовали отличие наставника от профессора. На это указал еще Ницше. Должны ли мы жить в «обществе обмана», в условиях «постправды» так, как учим? Как философствовать сегодня, посредством каких медиумов выражать свои мысли и переживания? Наше поколение сформировалось в русле критико-идеологической традиции, считая долгом разоблачение власти. Фуко иронично заметил, что мы сами производим власть. Наша профессия очень опасна, нужно понимать последствия своих речей и текстов, особенно ярких и популярных.

Я рано начал читать и писать. Я говорю об этом сегодня в связи с закатом эпохи книги. Молодежь читает и пишет по-другому, чем мы. К счастью, у многих студентов-философов это еще получается неплохо. Научить философскому письму — это долг профессионального философа. Мы должны давать ответы на вопросы времени на языке философии. Конечно, возникает вопрос о форме. Сегодня популярна трактовка философии как литературного проекта. Делез и другие считали, что книги по философии должны быть похожи на детективы. Деррида и Пол де Ман определяли философию как деконструкцию, т.е. выявление систем порядка и различий, на которые опирались как на нечто самодостовренное прежние философы. Ницше пытался

превзойти Вагнера, создавая музыкально звучащие дифирамбические тексты. Для Адорно образцом была музыка Шёнберга.

И еще одно важное условие философствования: переживание, настроение. У Хайдеггера это — забота и бытие к смерти. У Кожева — французский (а может, русский?) Гегель — это умирающий философ. Но есть и положительные экзистенциалы: священное, любовь, доверие.

Сегодня мало кто после окончания философского факультета становится преподавателем философии. Государство поставило на нас крест, так как «свободные умы» не нужны обществу. Фейерабенд критиковал академическую форму философствования и предлагал философствовать на улице с прохожими. Такая возможность сегодня есть. Философ не может быть безработным. Кроме того, есть социальные сети. Возможно, это и есть сцена философии сегодня. Поскольку не книги и лекции, а звуки и образы, реклама, клипы, шоу сегодня руководят мыслями и желаниями людей, то и в этой сфере можно оставаться философом. Например, делать хорошую рекламу. Задать в качестве образца красоты не фотомодель, а человека со следами мысли на лице.

Ю.М.: Борис Васильевич! Мы часто обольщаемся тем, что нас будут читать критики. Обычно реакция на наши новые книги среди коллег редко бывает мгновенной. Никто из них, как правило, не читает нашу книгу целиком, а ограничивается, как правило, обычным просмотром. Но и этого порой достаточно, чтобы совершить хотя бы беглый взгляд. Так делаем и мы с Вами, когда коллеги дарят нам книги. Конечно, надежда на конструктивную критику научных трудов или внимательное знакомство с ними умирает у автора последней.

Но продолжим наше обсуждение. Известно, что Г. Гегель не ограничивал философию созерцанием, раскрывая в ней возможности философствования и задавая тем самым форму представления мира. «Большая часть философствования сводится к тому, чтобы высказывать в самом деле правильные и в самом деле закономерные вещи; но совсем другое дело — понятийное схватывание, доказательное обнаружение такого содержания... Тогда я превосхожу форму представления, прихожу к определенностям понятия. Понятийные определения принадлежат свободной активности определения самого мышления...» [1, 216].

Следовательно, делать содержание понятий о мире определённым, означает по Гегелю изменять форму (структуру) бытия, идя по пути эмансипации духа. Философствование здесь относится к формообразующей деятельности мышления, которая осуществляется в акте свободной активности.

А что Вы, Борис Васильевич, думаете по этому поводу? Согласны ли Вы с такой, несколько «вольной» интерпретацией философствования у Гегеля? Как бы Вы прокомментировали данное высказывание?

Б.В.: Да, судьба философа — писать не художественные произведения, а аналитические тексты. Даже когда мы занимаемся визуальными медиумами, нужно понять, как они воздействуют на человека, каков их порядок? Роль разума в формировании, построении того, что мы называем миром, огромна. Мы сегодня не доверяем разуму и увлеклись поисками симулякров. Отчасти в этом виновата и философия подозрения, увлекшаяся критикой и, в конце концов, дошедшая до самоотрицания. Если у греков объективный разум выражал порядок космоса и логоса, то в новое время он превратился в субъективный разум, а природа — в его конструкт.

Разум обернулся репрессивной инстанцией. Сегодня говорят о необходимости освобождения тела, страстей, желаний, о сохранении природы, о правах животных. Здесь тоже возможны эксцессы. Поэтому эмансипация «неразумного» должна протекать в определенной форме, которую и должна искать философия.

Ю.М.: *Борис Васильевич! Слушая Вас, я лишний раз убеждаюсь в том, что не все действительно разумно и не всё разумное действительно. Может быть речь идёт о том, что философия потеряла свой последний оплот — рациональность, а философы уже давно занимаются рефлексией неразумного. К примеру, вопрос о правах животных является предметом изучения экофилософии, которую трудно заподозрить в отступлении от всех канонов философствования. Ведь не случайно Арне Несс понимал под экософией философию экологической мудрости, размышляющей о возможности достижения гармонии в мире и наступлении посттехногенной эпохи.*

Однако, перейду к вопросу о соотношении философии и экзистенции, философствования и экзистирования. По мнению К. Ясперса, «пока человек сохраняет способность возвышаться над своим существованием, философствование будет увлекать его к возвышению в метафизике» [8, 54]. Средством же построения фундаментального философского проекта у него выступает метафизическое философствование, которое он понимает как поэтапную деятельность, осуществляемую (1) через общее ориентирование в мире (2) просветление экзистенцией и (3) посредством трансцендирования.

И здесь требуется одно важное уточнение: в рамках такого фундаментального проекта философ постигает и творит свой мир не в духовном вакууме, а из своей экзистенции, и не как бытие-вообще, а как бытие-для-себя. Другими словами, он (философ) понимает своё бытие как «бытие-мыслимое-изнутри-себя», а также как «бытие-переживаемое-в-свободе». Экзистирование предполагает, в свою очередь, существование человека на пределе своих возможностей. Оно есть не что иное, как его «порыв к свободе» и устремленность к «просвету бытия». Кроме того, это есть «... стремление быть дома повсюду, т.е. экзистировать в совокупном целом сущего...» [4, 32]. И это определяет во многом способ философствования того или иного мыслителя.

А что Вы, Борис Васильевич, думаете в связи с таким пониманием? Считаете ли Вы, подобно Ясперсу, что просветление экзистенцией есть путь к истоку — свободе как открытой возможности самобытия? И что благодаря своему экзистенциальному или смысловжизненному выбору (и опыту) философ создает (экзистирует) свой мир, наделяя его личностными смыслами и раскрашивая в предпочтительные для него цвета?

Б.В.: В «Основных проблемах феноменологии» Хайдеггер переносит феноменологическое понятие интенциональности на опыт существования. Если Гуссерль интерпретировал сознание как интеллектуальное созерцание, а не мышление в понятиях, то Хайдеггер обратился к повседневному опыту существования в окружающем мире (Umwelt). Совместное бытие с другими, озабоченность, захваченность вещами он описывает как непосредственный опыт, который является дотеоретическим. Конечно, он не может отказаться от понятий интенциональности, рефлексии и трансценденции, однако подвергает их глубокой трансформации. Так, рефлексию он понимает не как мышление, а как «отсвет самости, отраженный от вещей», интенциональность как «растворение самости в вещах», трансценденцию как соприкосновение с ближайшим окружением [5, 213]. Потерянность в вещах кажется неподлинным существованием, но Хайдеггер считает, что именно благодаря этой захваченности человек соприкасается с бытием.

Ю.М.: Это считает Хайдеггер, а Вы? Ведь Вы столько верных суждений привели, а о своём сказать не решились. Возможно, просто не задумывались об этом. Удивительно, что захащенность вещами, растворение самости в них, понимаемые Хайдеггером как способ соприкосновения с бытием, нисколько не противоречат принципам экофилософии. Последняя настаивает на единстве всех форм сущего — живого и неживого, биосферы и ноосферы, биосферы и социосферы, и т.д. Их объединяет «космическое происхождение жизни» (А.Л. Чижевский, К.Э. Циолковский и др.), идея о ноосфере (В.И. Вернадский), «энергия, идущая от Бога» (Тейяр де Шарден), «благоговение перед жизнью» (А. Швейцер), «провозглашение жизни высшей ценностью» (А. Печчеи). Именно в этом смысле можно говорить о «круговой поруке» всех известных и неизвестных нам существ, населяющих Вселенную. Идея же соприкосновения с бытием Хайдеггера может рассматриваться как начало новой онтологии человека — экоонтологии. И здесь для меня центральной категорией выступает допустимое, понимаемое как предельно возможное в человеческом бытии, задающее меру экологического баланса.

Но вернусь к теме нашего разговора. Философствование есть не просто созерцание в состоянии чистого присутствия, но и создание возможных миров, а вместе с тем и расширение пространства свободы в рамках допустимого, опять же посредством экзистенциальной и свободной по сути коммуникации. Оно открывает людям их собственное бытие-в-мире (как персональное бытие сущего), причем таким, каким оно им представляется в будущем (как бытие-впереди-самого-себя). Поэтому посредством философствования «человек становится самим собой, в то время как он становится сопричастным действительности» [7, 228]. Сопричастность же выражается в том, что «... моё философствование всем своим содержанием обязано тем, кто был ко мне близок» [8, 20]. И поскольку философия — дело свободно мыслящего человека, то и философствование должно содействовать эмансипации человеческого духа, расширяя тем самым его жизненное пространство в рамках допустимого, т.е. предельно возможного и не нарушающего установившийся баланс с окружающей средой.

Следовательно, мир философа вмещает в себя множество других миров, которые он осмысливает и связывает в целостное единство. Причём единство здесь существует только для него, в его системе мировоззренческих координат. Ни о каком всеобщем единстве я не говорю. В этом плане философствование характеризует индивидуальное или коллективное производство смыслов, конституирующих на основании принципа свободного и допустимого развития жизненный мир самих философов и миры других людей, с которыми им приходится взаимодействовать в общем для них публичном или символическом пространстве.

Борис Васильевич! Согласны ли Вы с представлением о том, что философы посредством философствования не только создают новые (символические и жизненные) миры, но и поддерживают «истинную общность само-сущих людей» (К. Ясперс), предлагая им решения сложных мировоззренческих проблем и определяя перспективы их движения к свободе (к бытию-в-свободе)?

Б.В.: Несмотря на нарастающую поэтику повседневности, следует помнить, что здравый смысл задает слишком низкий горизонт видения себя и мира. Да, он приспособлен к нашей окружающей среде. Но всегда хочется жить лучше. Философия, как и поэзия, мыслит мир в горизонте возможностей. Когда окружающий мир изменится, позитивные знания окажутся невалидными и могут пригодиться философские модели новых форм, новых целостностей и единств.

Проблема состоит в том, что единства нет не только в реальности, но и в философии. Кажущееся ранее бесспорным, что философия занимается «первым и последним», что она выявляет единство всего сущего, сегодня расценивается скорее негативно, чем позитивно. Причин тому много: кризис трансцендентализма, отсутствие универсальной теории, плюрализм и мультикультурализм, «смерть идеологии». Если в счастливую буржуазную эпоху верили, что единство, установленное разумом в логосе, свидетельствует о единстве действительности, то нам кажется, что мы живем в абсурдном мире, где есть партии под названием «Единство», но реально присутствует разобщенность.

После объявления о конце постмодерна заговорили о единстве, монотеизме. Но надо помнить, что под этими лозунгами велись самые разрушительные войны. Поскольку войны сегодня имеют тенденцию становиться информационными, то следует продумать их стратегию. Когда-то идея всеединства Соловьева так испугала М. Шелера, что он заподозрил: русские предлагают дружить, а сами держат камень за пазухой. Похоже, эти страхи снова вернулись. Поэтому нам стоит предложить что-то более мирное, чем ракеты под названием «Сатана».

Свобода и ответственность взаимосвязаны настолько, что Гегель пришел к выводу, за который его часто критиковали: «свобода — это осознанная необходимость». Я не верю в судьбу в том смысле, что наш разговор сегодня был предопределен тысячу лет назад, и кто-то мог знать об этом. Но есть нечто общее, что молодые будут повторять, конечно, по-своему. Отсюда проблематика закона и повторения, и главная загадка Ницше — закон вечного возвращения того же самого.

Экзистенция и трансценденция. Гуссерль сделал ставку не на язык, а на сознание, главной способностью которого он считал способность видеть сущность — ноэму. Именно она конституирует то, что мы называем миром в его многообразии. Ноэма или смысл — достояние трансцендентального субъекта и это определяет её универсальность. Теорема Пифагора является истинной, даже если её никто из людей не знал бы. Поскольку Гуссерль «заключил в скобки» вопрос о реальности, то его последователи испугались солипсизма, даже трансцендентального. Хайдеггер выбрал типично немецкий путь — к почве, а Ясперс подсоединил к трансценденции экзистенцию. Впрочем, это понятие использовали оба мыслителя. Только Хайдеггер отказывался называть свою философию экзистенциализмом и предпочитал название «фундаментальная онтология». Суть расхождений не только в названии. Оба мыслителя выбрали различные типы опыта экзистирования. На первом плане у Хайдеггера стоит забота, а у Ясперса — свобода.

Свобода — это опыт трансцендирования. Внимательное чтение хайдеггеровской феноменологии наводит на мысль, что он преодолел трансцендентальную установку. Экзистенциалы, которые он выбрал в качестве медиумов бытия, обладают свойствами эманации, а не трансценденции. Человек в отличие от познающего субъекта не конструирует мир вне себя, а наоборот, буквально впитывает, воспринимает его как кит Иону.

Ю.М.: Борис Васильевич! То, что сегодня проблема единства оценивается многими философами негативно, меня, честно говоря, мало волнует. Вы же сами сказали, что философия постигает мир в горизонте возможностей, а это значит, что единство есть лишь одна из возможностей бытия, которую мыслит философ. Это относится также и к идее всеединства В. Соловьева, которая так напугала М. Шелера. А эта идея тесно связана в свою очередь с идеей всечеловечности Ф. Достоевского. Поэтому ракеты нам

нужны, чтобы сохранить возможность не только выдвигать, но и реализовывать эти идеи, которые представляются нашим западным «партнерам» куда страшнее, чем атомное оружие. В них они видят угрозу собственным имперским и глобалистским интересам. Ведь это воспринимается ими во многом как альтернативный проект цивилизационного развития.

Поговорим теперь о границах философствования. Как известно, М. Хайдеггер рассматривал философствование как особого рода коммуникацию, ориентированную на понимание бытия и проблематизацию вопроса о нем. Это и есть, с его точки зрения, «сообщение другим», которое высказывается в слове. Но не только в этом заключается его главное содержание. «... Философствование есть последнее выговаривание, то предельное, в чем человек уединяется до своего чистого присутствия...» [3, 336]. Или еще одно высказывание: философствование — «нацеленное на целое и предельнейшее, в чем человек выговаривается до последней ясности и ведет последний спор» [4, 27]. Мы философствуем лишь тогда, когда вступаем в разговор с другими людьми и проговариваем с ними то, что нас больше всего волнует «здесь-и-сейчас», поскольку это относится к сути нашего бытия.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, не пытаясь подвести итог всему сказанному: границу философствования устанавливают предельные основания бытия, в т.ч. бытия такого сущего, как человек. И, с моей точки зрения, предельные в том смысле, что человек сам определяет предел собственных возможностей и тем самым ограничивает свою свободу. Именно с этим связаны, на мой взгляд, «предельное вопрошание» и «последнее выговаривание» Хайдеггера, посредством которых каждый философ доходит не только до своего предела понимания бытия, но и до предела своих возможностей изменять его по собственному усмотрению, а значит, и до границы философствования.

Согласны ли Вы, Борис Васильевич, с предложенной мной трактовкой философствования М. Хайдеггера и таким представлением о его границах? И в чём лично Вы видите границы философствования вообще и своего философствования, в частности?

Б.В.: С Хайдеггером я до конца не могу разобраться. Дело даже не сложных текстах. Как раз наоборот, его синтаксис легче гуссерлианского и вообще немецкого философского языка. Проблема в словосочетаниях, которые даже немцы не всегда понимают. Например, что означает In-Sein? Конечно, Михайлов и Бибахин нашли аналоги, например, «бытие-в ...». Но что это значит? Скорее всего — это выражает альтернативу трансцендентализму. Мы не снаружи, а внутри бытия. Но в таком случае нет оснований деструкции тезиса Протагора. Почему Хайдеггер протестовал против антропологического поворота Макса Шелера? И тем не менее, почему его фундаментальная онтология так похожа на антропологию? Все его экзистенциалы — это модальности человеческого существования.

Ю.М.: Прекрасно. И я должен сказать, что этих «почему» при прочтении текстов Хайдеггера может быть сколько угодно. Мне же его высказывания помогают сформировать собственную позицию. То же самое относится и к Вам. Если Вам удобно рассматривать его экзистенциалы как модальности человеческого существования, то и следуйте этой установке. В конце концов, Вы имеете право на собственную интерпретацию. Но Вы же хотите понять логику самого Хайдеггера и докопаться до его личных интенций. А это уже сделать сложнее. Может быть стоит оставить данное занятие историкам философии?

Следующий вопрос относится к оценке взаимоотношений философа и не философа, т.е. обычного человека, не обладающего специальной подготовкой. С этой точки зрения, философствование я рассматриваю как коридор открытых возможностей, которые философ умножает на сущностном уровне (как медиатор), предлагая имеющиеся в философии решения мировоззренческих проблем, а обычный человек постигает их в своём жизненном мире, апробируя на практике (как модератор). Поэтому в этом человеке философ видит, как отмечал М. Хайдеггер, своего «внимающего соучастника». И, конечно же, не стоит забывать о том, что философствование возможно только в ситуации свободной коммуникации, где стороны, будучи само-единицами и равносущими, находятся вместе с тем в отношениях со-бытия и со-единства.

А Вы, Борис Васильевич, как думаете: возможно ли философствование между философом, подготовленным к нему всем своим предшествующим опытом, и обычным человеком, не обремененным философскими знаниями? Если да, то в чём Вы видите его специфику, отличную, скажем, от коммуникации между профессиональными философами? Могут ли они достигать в ходе диалога высокой степени духовного единства? Или это удел единомышленников или последователей определенной философской программы?

Б.В.: В 1970-е гг. различали профессиональную и непрофессиональную философию. Я думаю, это одна из причин моего обращения к повседневности. Поворот к повседневности – это, можно сказать, общее событие в мировой философии. Свою роль в этом сыграла антропология и этнография, школа Анналов, феноменологическая социология, герменевтика и даже фундаментальная онтология Хайдеггера.

На мой взгляд, аналитика повседневности раскрывает важнейшие практики формирования человека. Социальные дизайнеры в отличие от философов и идеологов, не преувеличивают интеллигентное воздействие на поведение человека. Не книги и лекции, и не моральные наставления, а музыка, дизайн, еда и развлечения определяют поведение людей. Реклама этих медиумов моделирует, как нужно жить, и это действует сильнее, чем философские истины, моральные наставления или религиозные идеалы.

Все эти новые медиумы нередко расцениваются в терминах теории отчуждения. Считается, что царское место мысли (истины) и морали (блага) сегодня занято самозванцами. Нужно ли возвращать его обратно? Не следует ли обратить внимание человека на то, что есть нечто более важное, чем он сам? Но только вот вопрос, кто и как будет оценивать это «возвышенное»? Будет ли диктат высших ценностей морали и религии лучше диктата идеологии?

Искусство всегда творило опьяняющие воображение образы, всегда звучала музыка, заставляющая сильнее биться человеческое сердце, люди не только работали, но и развлекались. И все эти практики способствовали очеловечиванию. Кажется, что они не исчезли, а только попали в объятия рынка. Взамен прекрасных изображений художники создают, а люди покупают нечто такое, что нельзя назвать произведением искусства, например, писсуар. То же и с музыкой: безголосые певцы грызут микрофоны и хриплыми голосами зовут туда, откуда не возвращаются. Кажется, надо, как Л. Толстой в работе «Что такое искусство?», призвать деятелей культуры к ответственности, словом, вернуть «царское место» морали, и все встанет на место.

Но сегодня речь идет не о переоценке ценностей, не о перспективизме в смысле Ницше, а о смене медиумов. Коммуникация интегрирует людей уже не истинами, а образами, звуками, запахами, вкусами и прочими тактильными, телесно восприни-

маемыми факторами. Их специфика в том, что они не отсылают к истине, а непосредственно воздействуют на человека, как бы притягивают к себе. И все же это не значит, что философия больше не нужна. Проблема анализа новых медиа остается и, стало быть, философия тоже сохраняется, хотя и меняет свою форму и методы. Философские, политико-экономические и духовно-нравственные технологии формирования людей я дополняю анализом своеобразных «технопарков» — совокупностью социальных контейнеров, где используются техники формирования тела, души, интеллекта, которые выходят за рамки стандартного набора педагогических и психологических методов школьного воспитания.

То, с чем я давно и безуспешно борюсь, — так это со свойственной нам, русским, верой, что возможно гуманное, справедливое общество, где все относятся друг к другу по-человечески. Как говорил папа Иоанн-Павел, капитализм и социализм — это две стороны одной медали. То есть идея равенства, человеческого муравейника, может, в партийно-классовом смысле и была противоположностью монархии, но по большому счету она ничем не лучше барщины.

Увлечение структурализмом и системным подходом (в последние года я много читал Н. Лумана), конечно, охлаждало мой порыв, но чтение Слотердайка снова подогрело эту веру, и я стал выстраивать антропологические модели по образцу коммунистических фантазий о солидарности традиционного общества. Я много внимания уделил аналитике новых искусственных контейнеров, в рамках которых существуют люди, и с грустью сообщил о деградации традиционного жилища, утрате культуры совместного труда и трапезы, об одиночестве людей, проживающих в изолированных квартирах спальных районов мегаполисов. Но при этом я понимаю, что основанное на формальных отношениях современное общество связывает людей более надежно, чем старые ритуалы. Традиционное общество не культивировало индивидуальность в нашем понимании.

И все-таки старая, точнее, детская вера в теплые человеческие отношения неистребима. Я и сейчас уверен, что вопреки растущему ресентименту и прямому насилию, люди должны поддерживать вокруг себя атмосферу любви и доверия. Это и есть настоящее богатство. Поэтому первичная окружающая среда должна сохраняться, чтобы культивируемая ныне креативность не привела к тому, о чем пророчествовал Достоевский. Если Маркс видел источник отчуждения в товарном фетишизме, то Достоевский указывал как раз на опасные последствия омассовления и выравнивания.

Ребенок, дом, еда, межличностное общение, язык, медиакommunikации, техника — везде встают проблемы философского характера, везде господствуют скрытые, часто устаревшие, не обеспечивающие выживания, опасные по своим деструктивным последствиям предпосылки. Например, нуждается в лечении антитехнологическая истерия, распространяющаяся среди интеллигенции. Точно также следует указать на опасные последствия лицевой хирургии, современной поп-музыки, изменения культуры еды, дефицит общения. Кроме того, необходимо сообща поставить и обсудить проблемы рекультивации традиций. Уже очевидно, что новые формы жизни, революции в сфере секса, лицевой хирургии, питания, жилища, моды и даже парфюмерии, активно устраняющей натуральные запахи, нуждаются в осмыслении. Потеря родины, дома, лица, музыки, речи и прочих иммунных систем оборачиваются утратой идентичности, нарастанием неуверенности и страха. Эти вопросы, собственно, и должны стоять в центре внимания «большой политики». Но как раз ими

меньше всего интересуются наши политологи, ориентированные или на «черный пиар», или на права человека и гражданское общество.

Ю.М.: Борис Васильевич! Поворот к повседневности, в который Вы погрузились всерьез и надолго, я рассматриваю как очередной тренд в развитии западной философии. В недавнем диалоге с А.В. Смирновым я пришел к выводу, что никакой мировой философии не существует. Под этим названием скрывается претензия западных философов на универсальность. Так что повседневность — это тема, которая пришла к нам оттуда. А Вы как человек, впитавший в себя западноевропейскую культуру, легко вписались в новый расклад. Не знаю почему, но Вас волнует потребность идти в ногу с теми, кто объявил себя законодателями моды на философскую проблематику. Вы говорите о преимуществах медийных технологий над философским дискурсом и поиске чего-то более возвышенного, чем сам человек. По моему скромному убеждению, этим чем-то является гармоническое развитие социума и природы, в которую человек погружен всем своим существом. Очеловечиванию способствовали не только практики искусства или социальные контейнеры, но и естественные законы мироздания, определяющие устойчивые связи антропосферы с биосферой и ноосферой.

Мне близко Ваше суждение о том, что, несмотря на воздействие искусственной среды, нужно культивировать в обществе атмосферу любви и доверия как «наше всё». Но, чтобы сохранить первичную среду, надо позаботиться о «вторичной» и тому подобной среде существования человека. Наш земной мир хрупок и недолговечен, а человечество ведёт себя так, как будто бы надеется жить вечно. Мне также понятна Ваша озабоченность тем, что вопросы утраты идентичности и потери прежних ориентиров в нашем общем доме должны находиться в центре широкого обсуждения, в т.ч. с участием философов.

Следующий вопрос. Не хочу сегодня говорить с Вами о «конце философии» или о её перманентном кризисе, о чём постоянно твердят наши оппоненты. Мы с Вами давно сделали свой выбор в пользу философии и вряд ли свернем с избранного пути. Конечно, судьба любимой нами философии не может нас не волновать. Оставим в стороне бюрократические притеснения философии, в т.ч. сворачивание программ философского образования в стране. Это было всегда. Будем радоваться тому, что пока никто из чиновников не вторгается в содержание исследований и образовательных программ по философии, ограничивая своё вмешательство формально-бюрократическими требованиями (искусственными рейтингами, количеством публикаций, их размещением в определенных базах данных и пр.).

Никакого отношения к философствованию всё перечисленное выше не имеет. Однако мы не можем оставаться равнодушными к тому, что мир философии и мир социальный постепенно отдаляются друг от друга или, говоря образно, «расходятся, как в море корабли». Хочется думать, что причина такой ситуации находится вне философии. И всё же последняя несёт ответственность за выбор тем и проблем философствования. Ведь, в конечном счете, философы должны сами определять «повестку дня» и направления философского дискурса, своевременно осмысливая духовную ситуацию времени. А для этого они обязаны каждый раз уточнять то, в чём же состоит сфера их компетенции на данном этапе общественного развития и на что им стоит надеяться.

Поэтому в заключение я хотел бы задать такой вопрос: Где, на Ваш взгляд, «заканчивается» философия и философствование? Есть ли предел «предельному вопрошанию» и «последнему выговариванию» о смысле бытия, в т.ч. нашего собственного? Что нахо-

дится за границей философствования — публичные дискуссии политиков и общественных деятелей, религиозные споры или эзотерические искания, предполагающие интуитивное постижение имплицативного (запредельного) мира, недоступного средствам рационального познания философа, или еще что-то другое?

Б.В.: Белые пятна, черные дыры. Есть такие «факты сознания», которые не поддаются инструментам эмпирической проверки и логического анализа. С этим столкнулся Витгенштейн, определивший язык как игру и форму жизни. То, что называют истиной, не что иное, как правила игры в науку, или во что-то другое, где требуются несомненные положения. С предпосылочным знанием — недоказуемым и вместе с тем несомненным — мы как-то смирились, и уже мало кто претендует на абсолютное знание. Даже природа теперь считается социальным и когнитивным конструктом.

Однако есть еще один род знания, который не выявляется и не анализируется даже не потому, что он вытеснен как бессознательный перенос первичных травматических сцен, а потому, что представляет опыт вины или греха, в котором стыдно признаться. Есть немецкая вина, но есть и русская. Например, в том, что происходит на Украине, виноваты и мы. Нам нечего предложить украинскому народу. Наш капитализм ещё хуже западного. У нас нет доброкачественной идеи. Если мы начнем об этом разговор, поднимется волна возмущения (мы не нападаем, а только защищаемся) и нам сильно не поздоровится.

Таким образом, можно выделить несколько видов предпосылочного знания. Один формируется практически, как «фронезис», здравый смысл. Сюда же можно добавить социальные и моральные коды и нормы поведения, обеспечивающие общественный порядок. Другой формируется в результате вытеснения и переноса травматических сцен. Наконец, третий — представляет уже не интимный, а общественный опыт переживания прошлых событий как «ужасных».

Дело в том, что некоторые поступки, казавшиеся в прошлом героическими, сегодня расцениваются как преступления. Здесь мы имеем дело с исторической памятью, которая сталкивается с новыми фактами и оценками. Тот, кто открывает и публично озвучивает такого рода факты, рискует вызвать взрыв общественного мнения. Парадокс в том, что мы можем говорить о немецкой вине (как о еврейской, украинской и т.п.), но не говорим о русской. Точно также Европа охотно говорит о русской вине, например, о тоталитаризме, но далеко не всегда готова признать свою. Говоря иначе, если у нас была «перестройка», т.е. мы посмотрели на себя глазами европейцев, то в Европе она даже не начиналась.

При анализе исторической памяти народов важно избежать сценария информационной войны, когда противники упражняются в разоблачении чужих, но не признают своих ошибок. Мы обижаемся, что европейцы не понимают Россию: разве мы не спасали их в чрезвычайных ситуациях, например, от Наполеона и Гитлера? Но Европа тоже ждет понимания от России и Востока в целом. И это справедливо, так как ни славянофильская, ни западническая, ни даже евразийская оценка её видения неадекватна.

Наконец, есть еще совокупность предпосылок, образующих границу рационального философствования. Закат книжной культуры, смена медиумов коммуникации, аудиовизуальный поворот — все это угрожает существованию философии в ее традиционной форме. Техники философского анализа сложились в рамках речевой и письменной культуры. Они мало пригодны для анализа новых медиумов. Как и почему

среди тысячи лиц лишь некоторые кажутся нам родными? На какой волне достает наши сердца музыка? Почему она воздействует на человека, может быть, сильнее слов? И если это так, то какую музыку должна слушать молодежь?

Когда-то Хайдеггер шокировал утверждением, что наука не мыслит и объяснил это тем, что нужно мыслить рукой. Крестьянин ближе к бытию. Сегодня это звучит архаично. Однако судя по тому, как много и часто люди предаются поискам все более утонченных наслаждений, можно допустить, что они постигают жизнь телом, а ухо и глаз у них функционирует по-другому, чем у читателя и слушателя лекций.

Я мог бы квалифицировать свою программу как конструктивистскую и как аналитическую одновременно, ибо стремлюсь выявить антропологические последствия тех или иных культурных технологий. Может быть, изобретение мобильных телефонов даже более важное событие, чем политическая революция. Когда-то я написал статью «Икона и экран» (её почему-то называли «Икона и топор» — уж совсем по-русски), где утверждал, что русская философия лучше подготовлена к визуальному повороту, чем западная. На самом деле это, конечно, не так, но задачу я не снимаю.

Свой антропологический проект я рассматриваю как попытку анализа человеческих качеств, которые раньше подавлялись, подвергались контролю и т.п. Я не призываю «растабуироваться». У тела, как и у природы вообще, есть свой порядок. Наши чувства, страсти и желания вовсе не спонтанны. Они бывают зажаты разумом, или извращены рынком развлечений, но как продукт эволюционного процесса они могут быть ближе природе (бытию), чем разум, который заблудился на собственных дорогах и может в чрезвычайных обстоятельствах воспользоваться чувствами как поводом.

Все это не снимает необходимости обсуждения общественных проблем на публичной сцене. Однако делиберативная модель включенности другого покоится на допущении, что не внемлющий голосу разума сам себя исключает из коммуникативного сообщества. Я думаю, голоса тех, кто полагается на интуицию, волю, желание, страсть или на традиции тоже должны быть услышаны.

Ю.М.: Борис Васильевич! Боюсь, как бы доброкачественная идея в конструировании отношений с братскими народами, не обернулась вначале в доброкачественную опухоль, а затем в что-то несравнимо худшее. А что касается нашего капитализма, то есть ещё более опасный вариант — национал-капитализм, в который скатываются наши украинские братья. Только не пытайтесь меня заподозрить, пожалуйста, в том, что я стал жертвой российской пропаганды. Просто я так думаю. И для меня капитализм — не только уходящая, но и деструктивная по своей сути модель общественной развития. Если мы не сможем выстроить ей альтернативу в виде экологически устойчивого общества, то нас всех, жителей Земли ожидает плачевный конец.

Согласен с Вами в том, что «перестройка» — это, в частности, попытка взглянуть на себя глазами европейцев. Но этот взгляд продержался недолго. Нас снова втянули в новую информационную войну. Теперь нужна другая точка отсчета — ни западная и ни восточная. Здесь я присоединяюсь к мнению тех исследователей, которые считают, что нужно формировать другую социальную и духовную перспективу, отталкиваясь от идеи всечеловечности. Но это, опять же, — большая и очень сложная тема.

Выслушав Вас, я подумал о том, как назвать свой подход. У Хайдеггера была экзистенциальная аналитика бытия. Вы позиционируете свой подход как аналитику повседневности, которая в силу подготовленности русской философии к аудиовизуальному по-

вороту, должна сосредоточиться на анализе человеческих качеств, подвергшихся подавлению. Пусть несколько иначе, но Вы снова ищете проект эмансипации человеческого бытия. Вам не даёт покоя зажатость страстей и желаний человека в тисках разума или их рыночная деформация. А вот с этим я, пожалуй, с Вами соглашусь, хотя и некоторым акцентом в сторону экософии.

Наверное, нас объединяет с Вами тезис о том, что эти человеческие свойства оказываются ближе к природе (и к бытию вообще), чем голос разума, утонувший в природной стихии. Но тут же я обнаруживаю в Ваших суждениях влияние социального проекта Ю. Хабермаса, где Вы присоединяетесь к его делиберативной модели, которая в свою очередь провозглашает нового Бога — коммуникативный разум. И круг замкнулся.

Начав с обличения Разума как машины по подавлению естественных влечений человека, Вы снова возвращаете нас к тому же состоянию, пусть даже в новой, улучшенной версии. Я же предпочитаю говорить о более широких границах философствования, не ограничивая их дискурсом в публичной сфере. Может быть стоит попытаться «мыслить рукой», как это делает крестьянин у Хайдеггера? Можно, конечно, еще «мыслить ухом» и другими органами или частями тела, чтобы насладиться аудиовизуальными эффектами современной культуры. Тогда нам будет проще выбраться из ложа книжной культуры и породить новый тип философствования.

Но будем завершать наш разговор. Надеюсь, мне удалось хотя бы немного побудить Вас своими развернутыми вопросами к диалогу. Ведь суть философствования, как я его понимаю вслед за Хайдеггером, состоит в том, чтобы обращаться к бытию с предельными вопросами, в т.ч. и в первую очередь, к тому бытию, которое само может вопрошать и осмысленно взывать к себе подобному существу. Обращаясь же к Вашему самобытию от имени своего самосущего, я не преследовал в качестве цели «последнее выговаривание» о бытии вообще и о философии (как «целостной реакции духа на совокупность бытия»), в частности. Оставим эти вопросы для наших следующих встреч.

А сейчас подошло время для расставания. И у Вас есть возможность высказать критические замечания или пожелания в наш адрес. Чтобы Вы хотели пожелать лично мне и сотрудникам нашего института в организации работы дискуссионного клуба? Насколько предложенный Вам формат встречи удобен для прояснения позиций её участников? Какие вопросы ведущего Вы считаете «неудобными» или некорректными для себя?

Б.В.: Поскольку вопрос предполагает ответ, то справедливо и мне дать возможность спросить, как Вы понимаете современность? Это что-то новое или, наоборот, ещё более репрессивное старое, например, ультракапитализм (Липовецки), концентрационный лагерь (Агамбен), пена (Слотердайк)?

Ю.М.: Современность — это то время, которое я переживаю вместе с другими (моими современниками) не как зазор между прошлым и будущим, а как длящееся настоящее, укоренное в прошлом и уходящее своими проекциями в будущее, а также как «бытие-с-нами» или «бытие-для-нас», которое мы проживаем «здесь-и-сейчас», т.е. как наше со-присутствие, в котором, как говорил Хайдеггер, мы сами оказываемся под вопросом. Оно для меня подобно непреходящей молодости. Огромное Вам спасибо за интересный разговор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии духа: Берлин 1827/1828: Пер. с нем. Кириллы Александрова. — М.: Изд. Дом «Дело» РАНХиГС, 2014. — 304 с.
2. Кант И. Критика чистого разума. — СПб.: Наука, 2008. — 606 с.

3. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
4. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество: Пер. с нем. В.В. Бибикина, А.В. Ахутина, А.П. Шурбелева. – СПб.: «Владимир Даль», 2013. – 592 с.
5. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 446 с.
6. Хайдеггер М. Что это такое – философия? // Путь в философию. Антология. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. – 445 с.
7. Ясперс К. Введение в философию // Путь в философию. Антология. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. – 445 с.
8. Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире: Пер. А.К. Судакова. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. – 384 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Gegel G.V.F. Leksii po filosofii dukha: Berlin 1827/1828: Per. s nem. Kirilla Aleksandrova. – М.: Izd. Dom «Delo» RANKHiGS, 2014. – 304 s.
2. Kant I. Kritika chistogo razuma. – SPb.: Nauka, 2008. – 606 s.
3. Khaydegger M. Vremya i bytie: Stati i vystupleniya: Per. s nem. – М.: Respublika, 1993. – 447 s.
4. Khaydegger M. Osnovnye ponyatiya metafiziki. Mir – konechnost – odinochestvo: Per. s nem. V.V. Bibikhina, A.V. Akhutina, A.P. Shurbeleva. – SPb.: «Vladimir Dal», 2013. – 592 s.
5. Khaydegger M. Osnovnye problemy fenomenologii. – SPb.: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 2001. – 446 s.
6. Khaydegger M. Chto eto takoe – filosofiya? // Put v filosofiyu. Antologiya. – М.: PER SE; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. – 445 s.
7. Yaspers K. Vvedenie v filosofiyu // Put v filosofiyu. Antologiya. – М.: PER SE; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. – 445 s.
8. Yaspers K. Filosofiya. Kniga pervaya. Filosofskoe orientirovanie v mire: Per. A.K. Sudakova. – М.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2012. – 384 s.

Примечания

1. См.: <http://www.platonizm.ru/content/dugin-martin-haydegger-filosofiya-drugogo-nachala> (обращение – 12.08.2013 г.).

Поступила в редакцию 29.01.2019 г. (№ 2311)